

АЛЕКСАНДР МАРКОВ

ФИЛОСОФИЯ УПАДКА

ЗДЕСЬ НАУЧАТ САМОМУ ДУРНОМУ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 1(091)
ББК 87.3
М26

Дизайн обложки Анны Якуниной

Марков, А.В.

М26 Философия упадка. Здесь научат самому дурному / Александр Марков. — Москва: Издательство АСТ, 2024. — 304 с.; ил. — (Тёмная академия. Non-fiction).

ISBN 978-5-17-159794-8

Философы далеко не всегда учат хорошему. Было немало философов, говоривших о страстном наслаждении и черном отчаянии. Они не систематизировали моральные уроки, а напротив, постоянно провоцировали читателей, выбивали из колеи. Они не стремились к чистоте философского жанра, напротив, пускали в философию любые призраки, страхи и кошмары. Ужас и отчаяние, неудержимое желание и продуманный эгоизм, притворство и сладострастие, измены и возбуждающая изнанка нашей жизни — вот содержание этих философских сочинений. Эти философы смело показывают нам те идеи и намерения, которых мы стыдимся и пытаемся скрыть. Мы перед ними как на ладони, и они — наши самые злые учителя!

**УДК 1(091)
ББК 87.3**

ISBN 978-5-17-159794-8

© А.В. Марков, 2024
© ООО Издательство АСТ, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 9

ГЛАВА 1

Софисты, восхваляющие дурное 13

ГЛАВА 2

Император Юлиан, античный декадент 29

ГЛАВА 3

Аретино, певец порочного мира 43

ГЛАВА 4

Свифт, отец черного юмора 50

ГЛАВА 5

Гельвеций, или Апология эгоизма 57

ГЛАВА 6

Де Сад, или Несчастье либертинажа 63

ГЛАВА 7

Лотреамон: злая декламация 88

ГЛАВА 8

Бодлер среди бедняков и химер 102

ГЛАВА 9

Штирнер, эгоист-теоретик 116

ГЛАВА 10

Ницше, или Путешествие за пределы морали 132

ГЛАВА 11

Шестов: Бог выше добра 149

ГЛАВА 12

Маринетти, экстатический милитарист 166

ГЛАВА 13

Альфред Жарри, король и шут богемы 176

ГЛАВА 14

Жан-Пьер Бриссе, или Язык есть секс 183

ГЛАВА 15

Мигель де Унамуно: огорченный бытием 191

ГЛАВА 16

Жорж Батай: жертвоприношение разума 201

ГЛАВА 17

Антонен Арто, шут над пропастью 219

ГЛАВА 18

Ролан Барт: танец влюбленной речи 231

ГЛАВА 19

Делёз: против гуманизма, против истины 247

ГЛАВА 20

Кристева: бегство от отвращения 259

ГЛАВА 21

Темные теории наших дней 270

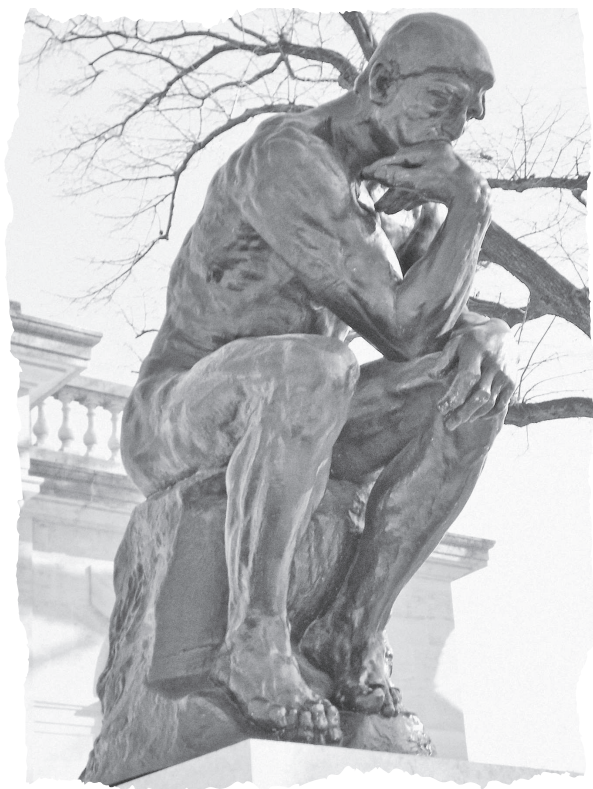
Послесловие 294

Избранная библиография 297

Другие книги автора 301

ПРЕДИСЛОВИЕ

Гедонизм, нигилизм, либертинаж, культ кошмаров — все эти как бы незаконные направления в философии представлены в книге. Философия для всех вошедших в книгу мыслителей — не просто систематизация различных правильных знаний и добрых пожеланий, требующих от человека стать лучше. Это наука, способная увидеть изнанку бытия.

Огюст Роден. «Мыслитель». 1880–1882. © Smallbones

Для всех этих странных, темных, провокационных философов закономерности и нравственные императивы — только лицевая сторона жизни. За этой лицевой стороной прячутся монстры, такие как необоримая тяга к наслаждению, воля к власти, дерзость первооткрывателя, пессимистическое отчаяние. Эти монстры влияют на нашу жизнь не меньше, чем социальные и нравственные институты.

Призывает ли кто-то из этих философов встать на сторону силы, властолюбия, сладострастия? Иногда кажется, что да. Порой эти философы позволяют делать всё что хочется, не обращая внимания на устои. Но на самом деле они просто показывают, что нельзя основывать мораль только на обыденных представлениях. Обыденное представление о добре не равно добру. Сначала надо узнать, как устроен мир, а уже потом разобраться, что мы можем и что должны сделать в этом мире.

Устройством мира эти философы занимаются тоже провокационно. Они постоянно смешивают социальные законы и природные. Допустим, мир бесконечен — так почему не положить в основу этики тягу к бесконечности и вседозволенность? Мир непредсказуем — так почему бы не вести себя непредсказуемо? Мир доволен собой, раз он продолжает существовать, как бы сам довольный собой и тешащий себя — так почему нельзя составить жизнь из одних удовольствий?

Сначала эти провокации устраивались намеренно. Так действовали античные софисты, перенося законы языка на природу. В языке есть исключения и прочие аномалии. Почему же в повседневной жизни нужно всегда вести себя «по правилам»?

Но провокация постепенно превращалась в осмысление образа жизни и места человека во Вселенной. Мы хрупкие, мы уязвимые, человек — игрушка природы. И если мир устроен так, зачем проявлять твердость? Лучше уйти в получение наслаждений. Это природа в нас сыграла, а не мы что-то получили незаконно.

Философы, которые включены в настоящую книгу, показывали, что можно не следовать житейской мудрости и на время расстаться с привычной рациональностью и нравственностью. Они проповедовали не следование принципам и аксиомам, а напротив — выход за пределы любых аксиом. Они подрывали изнутри прежние благополучные представления о мире.

Но главное — эти философы оспаривали идею примеров успеха, идею о том, что следование примеру якобы сделает тебя лучше и нравственнее. Наоборот, следование примеру, по их мнению, всегда путь ко вторичности, посредственности, ханжеству, пошлости. Тогда как риск на грани полной безнравственности, виртуозная дерзость — это освобождение самой философской науки от предрассудков.

Можно ли сказать, что труды этих философов «учат дурному»? С таким же успехом можно сказать о физиках или химиках, что их открытия можно употребить во вред людям. Мы же не обвиняем математиков в том, что знак вычитания провоцирует кого-то обидеть, а возведение в степень поощряет чрезмерные амбиции. Дурному может научить даже самая нейтральная наука.

Философы, вошедшие в эту книгу, не совращают с верного пути. Они показывают, что будет, если тео-

речические положения сразу перенести в практику. Они доводят до абсурда некоторые философские концепции и показывают их ограниченность. Заодно в их провокациях всегда есть элемент розыгрыша, остроумия, шутки — не нужно принимать всё сказанное ими всерьез.

В этом смысле другая философия — это один из инструментов развития теоретической философии, когда оказывается, например, что на одном только понятии разума, воли или интереса не построишь философию. Нельзя быть слишком серьезным и строить представления о мире только на твердых категориях. Утрата чувства юмора и умения посмотреть на себя со стороны опасна и для теоретической философии.

Ведь разум может оказаться слишком расчетливым, воля — слишком порывистой, интерес — слишком хищным. Нежелательные последствия как будто самых правильных категорий и показывает другая философия. Она требует дополнить категорию разума категориями чувства, воли, произвола. А оттуда уже недалеко и до категорий совести и вины. Так безнравственна ли эта философия, или, наоборот, нравственна?

*Александр Марков,
профессор РГГУ.*

Глава 1

СОФИСТЫ, ВОСХВАЛЯЮЩИЕ ДУРНОЕ

Слово «софист» обычно употребляется в обыденной речи с презрением — в значении «бесплодный спорщик», «умственный мошенник», «хитрец», «демагог». Но на самом деле это слово означает всего лишь профессионала в таком деле, как мудрость, интеллектуала, человека, зарабатывающего умственным трудом. Мы привыкли к тому, что людей умственного труда вокруг много, и это мешает оценить софистическую революцию в Афинах в конце V в. до н.э.

Древние греки понимали мудрость широко, как любое умение, требующее высокой квалификации. Мудрец — это тот, кто умеет построить корабль, основать новый город или примирить сограждан. Софисты оставили за собой только одно значение мудрости — словесный навык, навык убеждения и управления людьми.

Они предпочитали не мудрость, которая работает с вещами, — строительство кораблей, изготовление

чаш или поварское искусство. Их интересовала мудрость, работающая со словами, способная воздействовать на граждан. Кто умеет управлять словами, тот правит и людьми — вот главный принцип софистики.

Поэтому первое, с чего начинали античные софисты, такие как Горгий, Гиппий, Продик и многие другие, — с нового отношения к слову. Они стали понимать слово не как отсылку к вещи или поступку, но как самодостаточную единицу, которая может определять реальность. В слове для них скрывалось целое представление, спектакль, который меняет и наше отношение к реальности, и даже саму реальность.

Сейчас бы все эти софисты, конечно, выступали на телевидении и вели каналы в социальных сетях. Но тогда им было доступно словесное шоу: впрочем, тоже очень театрализованное. Например, Гиппий сам делал себе одежду и обувь — и не потому, что любил шить, но потому, что ему нужен был костюм, который очарует всех. Он сделал себе даже золотые кольца, ведь это модно и шокирующе.

Тренировки ораторов софисты начинали с постановки голоса, интонаций, с напевности, с умения импровизировать и говорить в рифму — так, чтобы слушатели были настолько увлечены речью, что принимали бы ее за единственный достойный способ разговора о реальности.

Конечно, мы иронически можем назвать софистику искусством пускать пыль в глаза, показывать товар лицом, «казовым концом». И действительно, аргументация софистов строилась на том, чтобы превратить слабый аргумент в сильный. Например, ты попал под дождь? Не огорчайся, потому что вода тебя

закалила. Ты поссорился с другом? Не огорчайся, это был не настоящий друг, а ты научился сердиться — значит, отстаивать свои интересы. Так софисты учили обманывать по полной. Но ценим мы их не за это.

Главное, что открыли софисты, — собственное строение речи. Они выявили, что каждое слово — это маленький спектакль, маленькое впечатляющее шоу. Речь софистов была своеобразным «клипом», быстрой сменой ярких и пленяющих впечатлений, сложенных из слов, — и одновременно праздником, торжественным парадом.

В этом смысле софисты были соперниками обычных правителей. Косвенно они содействовали развитию демократии уже нового типа: не просто совещания на площади, а соперничества политических программ. Каждый политик в этой новой демократии выступает со своими речами, устраивает свои праздники.

Поэтому софисты были так внимательны к нюансам слова: к его звучанию, синонимам, оттенкам смысла. Слово — тонкое, легкое, устное — превращалось после их упражнений в грозный инструмент борьбы. Самое слабое в мире становилось самым могущественным. Мы сейчас увидим это в речи Горгия «Похвала Елене» (ок. 415 г. до н.э.).

Эта речь необычна: для любого грека Елена была виновницей Троянской войны и гибели множества людей. Но Горгий, идя на провокацию и скандал, начинает отделять ценности от человека. Елена прекрасна, и с этим ничего не поделаешь — ее красота не могла не действовать. Елена мудра и при этом несколько наивна — и поэтому никак нельзя превращать ее в злодейку.